

УДК 908:28-741-051(470+571)+(477.75)"1783/1830"

**РОЛЬ ПЕРВЫХ ТАВРИЧЕСКИХ МУФТИЕВ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ
МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА В СОСТАВ РОССИИ (1783 – 1830 ГГ.)**

З. З. Хайрединова

**THE FIRST TAURIDA MUFTIS' ROLE AND THE PROBLEMS OF INTEGRATION
OF THE CRIMEAN MUSLIM POPULATION TO RUSSIA (1783 – 1830)**

Z. Z. Khairedinova

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783 – 1825».

В статье рассматриваются процедуры избрания и назначения первых Таврических муфтиев. Показана деятельность муфтиев в процессе интеграции мусульманского населения Крыма в состав Российской империи. Исследованы действия Российского правительства в отношении установления диалога с крымскотатарским народом в лице Таврических муфтиев. Показана роль местной администрации в лице правителей Таврической области в решении насущных проблем мусульманского населения полуострова. Изучены документы сенатора И. В. Лопухина в отношении учреждения на полуострове Таврического магометанского духовного правления. Неурегулированность мусульманского духовного управления сохранялась вплоть до 1831 года, когда было законодательно утверждено «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и штата духовному правлению».

The paper deals with the procedure of election and appointment of the first Taurida Muftis. The activity of Muftis is displayed in the process of integration of the Crimean Muslim population to the Russian Empire composition. The authors study the actions of the Russian government concerning the establishment of the dialogue with the Crimean Tatar people in the person of Taurida Muftis. The role of local administration in the person of Taurida region leaders in the solution of burning issues of Muslim population of the peninsula is shown. The Senator I. V. Lopuhin's papers are analysed regarding the establishment of Taurida Mohammedan spiritual rule in the peninsula. The lack of arrangement in Muslim Spiritual Board continued until 1831 when "Regulations on the Taurida Mohammedan clergy and the spiritual state of the board" was settled as a law.

Ключевые слова: Таврические муфтии, крымские татары, интеграция Крыма в состав России, мусульманское духовенство, Таврические губернаторы.

Keywords: Taurida muftis, Crimean Tatars, integration of the Crimea to Russia, Muslim clergy, Taurida governors.

Одним из важных и серьезных аспектов жизни современного Крыма является адаптация жителей этого региона к новым условиям, включение их в новое правовое поле. Важным остается вопрос интеграции мусульманского населения Крыма в правовое поле Российского государства. Важный и поучительный опыт взаимоотношений Российского правительства и многонационального Крыма был накоплен еще в XVIII в. – период после присоединения Крыма к России в 1783 г. Всестороннее и комплексное исследование всех аспектов интеграции Крыма в правовое, административное, политическое, экономическое и культурное пространство Российской империи актуально сегодня и требует дополнительных исследований.

Присоединение Крыма к России в 1783 г. поставило перед правительством сложную задачу. Учитывая региональные особенности политической, правовой, конфессиональной, экономической жизни Крыма, преобладание мусульманского населения, а также многонациональность данного региона, создать условия для плавного вхождения в общероссийские структуры. Большую роль в данном процессе российское правительство отводило мусульманскому духовенству. Таврический муфтий как высшее духовное лицо являлся для всего мусульманского населения полуострова непререкаемым авторитетом.

Итак, Манифест Екатерины II, подписанный 8 апреля 1783 г. «О принятии полуострова Крымского, ост-

рова Тамань и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу» обещал «охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру» [8, с. 897 – 898]. Позже, в указе, данном светлейшему князю Г. А. Потемкину от 28 июня 1783 г., говорилось, что необходимо «определить надлежащее и нескудное содержание мечетям и служащим в оных школах их и на другие тому подобные полезные дела» [9, с. 985 – 986].

Таким образом, в силу императорских манифеста и указа, все мусульманское духовенство было признано правительством. Собственно управленческая структура и принципы руководства мусульманской общиной региона сохранилось в неизменном виде и на прежних основаниях.

В то время во главе духовенства стояли муфтий Мусалар эфенди и кади-аскер Сеит Мегмет эфенди. Именным указом они были переутверждены в своих должностях уже 24 апреля 1784 г. Им устанавливалось жалованье, которое назначалось из местных доходов. Мусалар эфенди полагалось по 2000 рублей в год, а Сеит Мегмет эфенди, соответственно 1500 рублей [10, с. 482].

11 июня 1784 г. было объявлено о назначении правителем области действительного статского советника Василия Васильевича Каховского, а главным начальником – Григория Александровича Потемкина. Таврический муфтий и кади-аскер были вновь подтверждены

в своих правах, а все городские каймаканы, кадии были утверждены в своих должностях [17, с. 165].

В 1791 г. Таврический муфтий Мусалар эфенди умер. Очевидно, некоторое время эта должность оставалась вакантной. Только 18 июня 1792 г. правитель Таврической области генерал-майор Семен Семенович Жигулин подал официальное представление в Санкт-Петербург. В нем он ходатайствовал об утверждении на должности муфтия действовавшего тогда кади-аскера Сеит Мегмет эфенди. Кроме того, С. С. Жигулин и Сеит Мегмет эфенди предложили упразднить должность кади-аскера и разрешить избрать коллегию, состоящую из шести «эфендиев». По их мнению, они, имея председателем муфтия, «будут составлять духовную в Тавриде консисторию» [1, с. 316; 4, с. 19 – 22].

23 января 1794 г. Екатерина II подписала указ, в котором в должности муфтия была утверждена кандидатура, предложенная правителем Таврической области, то есть Сеит Мегмет эфенди. Скорее всего, не желая новшествами дестабилизировать обстановку в регионе, Санкт-Петербургское правительство предпочло не устранять привычную и традиционную в мусульманской общине Крыма должность кади-аскера. Очевидно, на этот почетный пост был назначен Абдураим эфенди. Кроме того, им в помощь были назначены пять членов предложенной духовной консистории на мало-понятные должности «эфендиев».

Следует отметить, что в документах той эпохи были употреблены неудачные определения. Среди них наиболее разительным было название должности «эфендий». Как известно, согласно шариату, оно не соответствовало номенклатуре исламских духовных должностей. Кроме того, оно являлось неправильным по существу.

Дело в том, что понятие «эфенди» – означает «господин». Так, например, ко всем почетным и почтенным лицам при обращении говорили: «эфендим» («мой господин»). Позже это несоответствие было воспринято центральным правительством и местной администрацией, что отразилось в текущей документации. Тогда в законодательных актах без каких-либо официальных объявлений об изменениях высшие члены ТМДП продолжали называться по-прежнему: муфтием и кади-аскером, а остальные пятеро, бывшие «эфендии» – уездными кадиями.

Согласно тому же указу от 23 января 1794 г., Таврическому муфтию подтверждалось теперь уже казенное жалованье в размере 2000 рублей в год. Однако жалованье кади-аскеру было существенно снижено и составляло сумму в размере 500 рублей. Вновь назначенным «эфендиям» причиталось казенное жалованье по 200 рублей в год [2, с. 213; 16, л. 21]. Таким образом, данным указом были утверждены муфтий, кади-аскер и пять эфендиев, которые составили Таврическое магометанское духовное правление (ТМДП).

Указ от 23 декабря 1794 г. не обозначал ни прав, ни обязанностей этой довольно аморфной и умозрительной структуры, кроме как «надзирать» за духовенством. Данное мусульманское правление было фактически учреждено. Однако в повседневной практике оно по этим причинам бездействовало. Такое двусмысленное положение сохранялось вплоть до 1831 г., когда в силу вошло долгое время разрабатывавшее «Положе-

ние о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах» [11, с. 337 – 345].

В данном временном промежутке с 1794 г. по 1831 г. было предпринято несколько неудачных попыток законодательно утвердить права Таврического муфтията, четко определить обязанности членов правления, а также упорядочить отношения государственной власти и мусульманской духовной организации региона.

В сентябре 1801 г. Таврический муфтий Сеит Мегмет эфенди прибыл в Санкт-Петербург и представил императору Александру I докладную записку [1, с. 319 – 320; 16, л. 2 – 5]. Более конкретно она касалась ряда важных для мусульманской общины Крыма вопросов. Они накопились за долгое время и требовали немедленного рассмотрения высшей государственной властью.

Суть докладной записки заключалась в пяти пунктах. В них говорилось, прежде всего, о подтверждении преимуществ и прав, дарованных крымским татарам и их духовенству. Ставился вопрос о записанных по ревизии крымских татар «из духовенства в число казенных» крестьян. Муфтий предлагал перерегистрировать их обратно в духовное сословие. Важным вопросом для мусульманской общины Крыма стали вакуфные имущества и капиталы. Муфтий предлагал утвердить их при мечетях, теких и медресе на постоянной основе. Кроме того, важную проблему составлял вопрос о наследовании имений после смерти того или иного крымского мусульманина, об определении опекунов, а главное, о роли местного исламского духовенства вообще и Таврического муфтията, в частности.

Но главное, на основании указа от 23 января 1794 г., муфтием ставились вопросы о реальном открытии в городе Акмечети структур Таврического муфтията. Более того, Сеит Мегмет эфенди предлагал построить или нанять специальное здание для заседаний предполагаемой структуры [1, с. 319 – 320; 16, л. 2 – 5].

По всем пунктам этой записки Новороссийским военным губернатором Иваном Ивановичем Михельсоном был сделан ряд существенных замечаний, поддерживающих предложения Таврического муфтия. Так, например, этот крупный государственный чиновник считал, что мусульманское духовенство и все крымскотатарское население «оных привилегий заслуживают». Более того, он ходатайствовал о том, чтобы «духовное правление открыть позволить». Что касается здания, то, по его мнению, государству было нужно либо приобрести дом за счет казны и «на оный денег отпустить довольно», либо все содержание ТМДП и покупка здания «должны относиться на счет акуфу». Местом пребывания правления И. И. Михельсон так же предлагал избрать город Акмечеть [1, с. 319 – 320; 16, л. 2 – 5].

В ответ на записку 14 ноября 1802 г. Александром I был подписан указ на имя сенатора Ивана Владимировича Лопухина с поручением – рассмотреть на месте вопрос открытия магометанского правления в Таврической губернии. Как известно, до этого И. В. Лопухиным были ревизованы несколько губерний, среди которых были и Казанская, Оренбургская, где проживали крупные и влиятельные мусульманские общины. Очевидно, поручение высшей власти сенато-

ром были исполнены в точности и с должным профессионализмом, что послужило основанием для руководства последующих ревизий, и в том числе в Таврическую губернию. Безусловно, при ревизии Казанской и Оренбургской губерний ему пришлось столкнуться с деятельностью местных духовных собраний, созданных в 1788 г.

При исследовании состояния дел в Таврическом регионе И. В. Лопухину предстояло изучить ряд важных вопросов, связанных с состоянием ислама в Крыму. Среди них необходимо обратить внимание на два крупных блока проблем. Во-первых, о необходимости увеличения числа местного мусульманского духовенства; о возвращении этому сословию разных привилегий, которые были даны еще в царствование Екатерины II и, наконец, о том, какие привилегии можно назначить данному духовенству, судя по тем, какие они уже имели ранее. Во-вторых, об открытии в Симферополе Духовного правления с обозначением прав и обязанностей этого органа духовного управления, а также об отводе для него специального здания.

При рассмотрении этих вопросов император рекомендовал пригласить к рассмотрению ревизионных дел Таврического муфтия Сеит Мегмет эфенди, который к тому времени уже должен был вернуться в Симферополь и советовал принять во внимание его мнение «с пользой того края и справедливости» [1, с. 321]. Однако, как писал И. Ф. Александров, муфтий не мог непосредственно участвовать в рассмотрении данного вопроса. Известно, что Сеит Мегмет эфенди в это время болел. Можно предположить, что на все вопросы, интересовавшие сенатора, скорее всего, отвечал кадиаскер Абдурагим эфенди.

Внимательнейшим образом рассмотрев вопросы жизни мусульманской общины Крыма, уже 18 февраля 1803 г. И. В. Лопухин представил доклад. Он свидетельствовал не только о добросовестном отношении сенатора к делу, но и о глубине проникновения в суть важнейших проблем крымскотатарской мусульманской религиозной общины.

Доклад состоял из 12 пунктов, содержащих ответы на все поставленные вопросы. Что касается магометанского правления, то сенатор настоятельно рекомендовал открыть его в городе Симферополе, как можно ближе к губернской администрации.

Интересную точку зрения высказал И. В. Лопухин по поводу структуры духовного правления. Это учреждение, по его мнению, должно было состоять из кадиаскера и четырех улемов. Должность кадиаскера предполагалась в качестве председателя правления, а во главе правления должен был стать муфтий. Он, в случае несогласия с решением правления по тому или иному вопросу, мог представить свое собственное мнение губернской администрации.

Кроме того, И. В. Лопухин предложил также ввести в состав канцелярии духовного правления должности секретаря, переводчика и канцелярских служащих. Всему составу Таврического магометанского духовного правления предполагалось определить жалование из казны «по благоизволению щедроты монаршей» [1, с. 324].

Важным мнением сенатора стал вопрос об обязанностях духовного правления вообще и муфтия в частности. Оказывается им, в представлении И. В. Ло-

пухина, «ни в коем случае» нельзя было «делать общего созыва духовенства в губернский город и ни куда без позволения губернатора или правящего должность» не выезжать. Таким образом, предполагаемое духовное правление должно было находиться под зорким и непосредственным надзором Таврического губернатора. Муфтию отводилась главная роль в попечении Таврического мусульманского духовенства, особенно в вопросах нравов и морали.

В выборах муфтия и кадиаскера, по мнению И. В. Лопухина, могли принимать участие лишь крымскотатарские мурзы и депутаты от жителей каждого уезда Таврической губернии. Предполагалось выбрать трех кандидатов, по которым готовилось бы мнение губернской администрации на утверждение Правительствующего Сената.

Если должность муфтия и кадиаскера как представителей высшего мусульманского духовенства края утверждалась Правительствующим Сенатом, то должности от имама и ниже утверждались бы уже самой администрацией непосредственно на месте. Это было бы возможным после соответствующего экзамена на пригодность к исполнению духовных обязанностей и утверждения данной кандидатуры лично Таврическим муфтием.

Интересную точку зрения высказал И. В. Лопухин по поводу должности кадиаскера. Он считал, что «чин кадиаскера не только не должен всегда открывать путь к званию муфтия, но полезно, чтоб законом определено было никогда из кадиаскеров и в правлении находящихся улемов в муфтии не выбирать» [1, с. 324]. Безусловно, это могло помочь избежать разногласий и «подсидиваний» внутри правления, а главное, сплотить его членов для реализации единых целей. К сожалению, дальнейшая история деятельности правления изобилует фактами, когда на ответственный пост муфтия практически всегда избирался кадиаскер. Должность кадиаскера всегда считалась последней ступенью к вершине мусульманской иерархической лестницы в губернии. Как и подозревал И. В. Лопухин, в будущем кадиаскер, в случае несогласия с решениями муфтия по тому или иному вопросу, имел все законные основания тормозить и даже саботировать всю работу в правлении.

Помимо этого И. В. Лопухин предлагал предоставить мусульманскому духовному правлению соответствующий дом и утвердить содержание его из государственной казны. Главную роль в разрешении этих вопросов сенатор непосредственно отводил Таврическому губернатору, который должен был сделать соответствующие распоряжения о покупке здания для размещения правления.

Для уяснения позиции сенатора И. В. Лопухина относительно мусульманской религиозной общины в Крыму, необходимо рассмотреть и ряд других вопросов, которые, казалось бы, непосредственно не касались проблемы открытия ТМДП. Однако именно они помогают понять суть политики Санкт-Петербурга в отношении мусульман Таврической губернии в этот промежуток времени.

Большое внимание сенатор И. В. Лопухин уделил в своем докладе вопросу увеличения численности мусульманского духовенства в Крыму. Он считал, что искусственно увеличивать число мусульманского ду-

ховенства нет никакой необходимости. Он подчеркнул, что «нужно только, чтобы было достаточное число служителей магометанской веры для безостановочного отправления треб», а также «для воспитания и приготовления в чины оных служителей» [1, с. 326]. В связи с этим И. В. Лопухин предлагал учредить временный комитет, который бы рассмотрел и определял ряд важных моментов. Среди них, в частности, вопрос о том, сколько должно быть в губернии имамов и других духовных служителей. Также нужно было определить, все ли в настоящее время духовные служители соответствуют своим должностям. Объясняя эту меру, И. В. Лопухин замечал, что «сие рассмотрение полезно для отличения и одобрения достойнейших и для перемены недостойных лучшими» [1, с. 326]. Так сенатор предлагал существенно ограничить число мусульманского духовенства в Крыму и создать для него некий «рынок труда». Вместе с тем сенатор считал нужным закрепить все привилегии и права, данные императрицей Екатериной II, что, очевидно, подняло бы авторитет местного духовенства и укрепило бы его материальное положение.

В заключение доклада И. В. Лопухин писал о вопросах соответствия государственного законодательства с традиционным в Крыму – исламским. Он полагал, что мусульмане, не согласные с тем, чтобы их споры разбирались в духовном правлении, должны иметь право обращаться в суды гражданские. Такое положение он считал удобным для сокращения «тяжебных дел» и увеличения авторитета духовенства в глазах рядовых мусульман.

Нужно с сожалением отметить, что данный доклад так и остался на бумаге и не был реализован. Однако следует сказать, что данный опыт в разработке приоритетов в будущей работе муфтията был не только положительным, но и полезным для будущих проектов.

О важности разрешения вопроса об открытии ТМДП свидетельствует тот факт, что вскоре херсонский губернатор Арман Эммануэль дюк-де-Ришелье будучи в августе 1805 г. в Симферополе обратился к Таврическому губернатору, действительному тайному советнику Дмитрию Борисовичу Мертваго с предложением «о лучшем духовной магометанской части устройении и о мнении вашем по сему меня уведомить» [1, с. 330].

Доклад Д. Б. Мертваго, представленный уже через месяц на имя А. Э. дюка-де-Ришелье от 28 сентября 1805 г., явился следующим шагом в деле открытия ТМДП. Доклад назывался «Штаты духовного правления магометанского закона и правила для производства и об обязанностях духовных, так же копия Высочайших указов, кои имелись основанием при сем сочинении» [1, с. 331].

По мнению губернатора Д. Б. Мертваго, штат духовного правления предполагался в следующем виде. Во главе правления должен был стоять председательствующий муфтий с годовым окладом в размере 2000 рублей. На должность ниже располагался «старший эфендий», скорее всего имелся в виду кади-аскер с ежегодным жалованьем в 500 рублей. Далее шли 5 «младших эфендиев», которые, наверное, олицетворяли уездных кадиев. Оплата их работы оценивалась по 200 рублей в год на каждого. Кроме того, по представляемому штату был предусмотрен и один письмо-

водитель с окладом в размере 250 рублей в год. Согласно этому документу, каких-либо канцелярских служителей не предусматривалось. Тем не менее муфтий, по мере надобности, мог приглашать канцеляристов из других губернских структур. Однако в этом случае жалование канцелярских служителей и канцелярские расходы не должны были превышать предполагаемой по штату суммы, которая составляла всего 500 рублей в год.

Согласно докладу Д. Б. Мертваго, Таврический муфтий должен был избираться крымскими татарами всех сословий. От каждого крымского города и уезда на рассмотрение губернатору должно выдвигать по два кандидата. Тот, избрав три наиболее предпочтительные кандидатуры, должен был рекомендовать их министру внутренних дел. По представлению министра император утверждал бы и собственно Таврического муфтия. Претенденты на должности старшего и младших «эфендиев» предлагались уже муфтием на утверждение Таврического губернатора. Им же определялся к должности и письмоводитель, работающий в органах Таврического муфтията.

Первый раздел состоял из полутора десятков пунктов и касался порядка производства дел в правлении. Согласно данному проекту, Таврическое магометанское духовное правление подчиняется губернскому правительству [1, с. 332]. Муфтий, являясь председателем правления, «поступками и поведением своим должен показать пример его подчиненным верности». Ему вменялось непосредственно руководить старшими и младшими «эфендиями». Он же распределял обязанности правления между ними. Муфтий принимал участие в вопросах, связанных с замещением вакантных духовных должностей в мечети и конфессиональные школы. Он, совместно с членами магометанского правления, должен был экзаменовывать кандидатов на эти должности. В то же время духовному правлению запрещалось искусственно увеличивать число духовных должностей по штату мечетей, медресе и мектебе.

Однако и этот проект магометанского духовного правления остался только на бумаге. Тем не менее данный документ расширял представление российских чиновников о духовных нуждах крымских мусульман и о роли в этом процессе муфтията.

1 ноября 1806 г. скончался муфтий Сеит Мегмет эфенди, о чем на следующий же день сообщил кади-аскер Мамут эфенди Таврическому губернатору Д. Б. Мертваго [15, л. 1 – 4]. При таких обстоятельствах на 23 декабря 1806 г. были назначены выборы Таврического муфтия [15, л. 5 – 6]. После их проведения гражданским губернатором были представлены на рассмотрение министра внутренних дел 2 кандидатуры соискателей должности муфтия. Ими были соответственно тогдашний кади-аскер Мамут эфенди и брат бывшего муфтия Мураза Челеби эфенди.

Вскоре, 19 января 1807 г., указом за подписью императора Александра I в должности Таврического муфтия был утвержден Муртаза Челеби эфенди [15, л. 14 – 14 (об)].

Нового муфтия также беспокоил вопрос о неурегулированности ситуации в деле руководства духовной общиной мусульман Крыма, поэтому проблема учреждения духовного правления оказалась для него одной из актуальнейших. 21 февраля 1809 г. муфтий Сеит

Муртаза эфенди обратился с официальным письмом к Таврическому губернатору генерал-лейтенанту Андрею Михайловичу Бороздину. В нем он с сожалением писал о том, что в данном вопросе и «понеже нет разрешения». Губернатор А. М. Бороздин поддержал ходатайство и справедливые доводы муфтия. 18 марта 1809 г. он представил на рассмотрение министру внутренних дел соответствующий документ.

На одном из заседаний Комитета Министров 9 июля 1809 г. обсуждался вопрос об открытии в Крыму духовного правления. В повестке дня стоял вопрос об утверждении основных положений проекта, составленный еще сенатором И. В. Лопухиным. Важнейший вопрос об открытии Таврического магометанского духовного правления решено было рассмотреть на общем заседании комитета министров и министра юстиции [14, л. 26 – 26 (об.)].

19 августа 1809 г. муфтий совместно с известными и влиятельными представителями крымскотатарского населения обратился к Таврическому губернатору А. М. Бороздину с просьбой воспользоваться пребыванием в городе Симферополе А. Э. дюка-де-Ришелье и возобновить вопрос об утверждении штата и правил, представленных в свое время губернатором Д. Б. Мертваго. Однако прошло два года, а решение этого вопроса не сдвинулось с мертвой точки.

О деятельности муфтия Сеит Муртазы эфенди очень мало сведений. С одной стороны из-за отсутствия правления как такового, с другой – из-за отсутствия всякого делопроизводства. Известна, однако, деятельность Сеит Муртазы эфендия в деле образования крымских татар. Так, например, в 1810 г. 16 июня состоялось открытие Отделения татарского класса при Симферопольском уездном училище. Муфтий принимал активное участие в вопросах, касавшихся учебной части этого отделения. Он подбирал и рекомендовал преподавателей крымскотатарского языка, советовал по этому предмету книги. Сеит Муртаза эфенди пользовался большим доверием высшего учебного начальства. Так, например, штатному смотрителю училища Д. Горчакову было предписано «практически совсем не вмешиваться в вопросы, касающиеся преподавания крымскотатарского языка или проблемы, имеющие отношение к обычаям, образу жизни, традициям и, в первую очередь, богослужения и религиозному быту местных мусульман, предоставив все эти вопросы ведению исключительно Таврического муфтия» [3, с. 55].

В 1816 г. Таврическим муфтием был утвержден Аджи Абдураим эфенди. Однако на выборах ситуация была иной. В 1816 г. на выборах Таврического муфтия по большинству голосов первым кандидатом был Сеит Джемиль эфенди, Аджи Абдураим эфенди – лишь третьим. По отзывам губернаторов А. М. Бороздина и А. С. Лавинского, Сеит Джемиль эфенди был человеком молодым и неблагонадежным [13, л. 74 – 74 (об.)]. Муфтием был утвержден Аджи Абдураим эфенди.

Таврический муфтий Аджи Абдураим эфенди 5 марта 1829 г. был уволен с занимаемой должности, очевидно, по собственному желанию. Наше утверждение основано на том, что он был уволен от службы «по его званию, с полной пенсией» [13, л. 69 – 70].

В 1820 г. проходили выборы кади-аскера. По большинству голосов избран был Сеит Джемиль эфенди. Бывший тогда Таврическим губернатором

А. Н. Баранов и муфтий Аджи Абдураим эфенди считали Сеит Джемиля эфенди достойным должности кадиаскера «по хорошему поведению, особенно же по его преданности правительству» [13, л. 75].

После увольнения муфтия Аджи Абдураим эфендия встал вопрос о новом духовном главе мусульман Таврической губернии. Выборы нового муфтия были назначены на 27 июня 1829 г. Тремя первыми кандидатами по большинству голосов были признаны: кадиаскер Сеит Джемиль эфенди, улем Джемаледдин эфенди и мудеррис Араф Мегмед эфенди. Первый получил 1048 голосов, второй – 798 и третий – 743 голоса [13, л. 73 (об.)]. В своей характеристике Таврический гражданский губернатор А. И. Казначеев отзывался о Сеит Джемиле эфендии как о достойном кандидате на пост Таврического муфтия «как по народному уважению, доказываемому значительным большинством голосов, по происхождению (его дед, отец и дядя были муфтиями) из рода муфтиев и по знанию русского языка, так, с другой стороны, и по весьма хорошему его поведению и преданности к правительству» [13, л. 74]. С этим мнением согласился и Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор М. С. Воронцов. Таким образом, 7 октября 1829 г. Таврическим муфтием был утвержден Сеит Джемиль эфенди.

В 1830 г. был принят указ «О неотступлении от общих правил при погребении магометан» [12, с. 396 – 398]. В нем приводилось мнение Таврического муфтия Сеит Джемиль эфенди о правилах погребения мусульман в Крыму. Опираясь на мусульманское законодательство в этом вопросе, муфтий подтвердил, что погребение умерших полагалось производить в день смерти. Следует отметить, что принимаемые правительством законодательные акты постепенно утверждали мусульманские традиции в правовом поле Российской империи.

Таким образом, учрежденное 23 января 1794 г. и состоявшее из муфтия и шести «эфендиев» духовное правление – без точного определения прав и обязанностей, без указания в законодательном порядке круга дел, подлежащих его рассмотрению, разбирало и решало мусульманские духовные дела на шариатских постановлениях и других законах страны, опосредованно касавшихся духовного мусульманского правления вплоть до 1831 г. включительно.

Статус мусульманского духовенства Таврического края утвердился с принятием 23 декабря 1831 г. «Положения о Таврическом магометанском духовенстве и штата духовному правлению» [11, с. 337 – 345]. На заседании Таврического Губернского правления 29 ноября 1832 г. было принято решение об официальном открытии Таврического магометанского духовного правления [5, л. 13 – 13 (об.)].

Несмотря на долгое решение вопроса, связанного с учреждением духовного правления, первые Таврические муфтии сыграли важную роль в решении многих вопросов интеграции крымских мусульман в правовое, административное, политическое и культурное пространство Российской империи. Важным являлся вопрос инкорпорации в правовое поле России не только высшего мусульманского духовенства, но и всех приходских служителей. Известно, что каждый из них выполнял свои особые функции в духовной жизни мусульман. Благодаря усилиям высшего духовенства,

традиции крымскотатарского общества постепенно признавались российским правительством, о чем свидетельствует принятие ряда конкретных законодательных актов.

Литература

1. Александров И. К истории учреждения Таврического Магометанского духовного правления (1794) // ИТУ-АК. 1918. № 54. С. 316 – 355.
2. Александров И. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // ИТУАК. 1914. № 51. С. 207 – 220.
3. Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования. (Реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман Таврической губернии XIX – начала XX вв.). Симферополь: Таврия, 1998. 162 с.
4. Ганкевич В. Ю. Таврійське мусульманське духовництво в межах законів Російської імперії (XIX – поч. XX ст.) // Вісник Університету внутрішніх справ. 1999. № 7. С. 19 – 22.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 7376.
6. Завадовский А. Г. Сто лет жизни Тавриды. (В память празднования столетнего юбилея присоединения Крыма к России 8 апреля 1783 – 1883 гг.). Симферополь: Таврическая губернская типография, 1885. 328 с.
7. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. СПб.: Типография МВД, 1901. 224 с.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), (I). Т. 21. № 15708.
9. ПСЗРИ, (I). Т. 21. № 15798.
10. ПСЗРИ, (I). Т. 23. № 17174.
11. ПСЗРИ, (II). Т. 6. № 5033.
12. ПСЗРИ, (II). Т. 5. № 3659.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 11. Д. 2.
14. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 14.
15. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 132.
16. РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 231.
17. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730 – 1823 г. Одесса: Городская типография, 1836. Ч. I. (1730 – 1796). 288 с.

Информация об авторе:

Хайрединава Зарема Зудиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, hzarema@gmail.com.

Zarema Z. Khairedinova – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Cultural and Religious Studies, Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Статья поступила в редколлегию 06.11.2015 г.